

Елена
Арсеньева

Царица
любит не шутя

Исторические
новеллы
любви

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Первая и последняя (Царица
Анастасия Романовна Захарьина)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Первая и последняя (Царица Анастасия Романовна Захарьина) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

На портретах они величавы и неприступны. Их судьбы окружены домыслами, сплетнями, наветами как современников, так и потомков. А какими были эти женщины на самом деле? Доводилось ли им испытать то, что было доступно простым подданным: любить и быть любимыми? Мужья цариц могли заводить фавориток и прилюдно оказывать им знаки внимания... Поэтому только тайно, стыдясь и скрываясь, жены самодержцев давали волю своим чувствам. О счастливой и несчастной любви русских правительниц: княгини Ольги, дочери Петра Великого Елизаветы, императрицы Анны Иоанновны и других – читайте в блистательных новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Арсеньева

Первая и последняя

(Царица Анастасия Романовна Захарьина)

– Кто там? – Задремавшая над пальцами боярыня Захарьина испуганно вскинулась: заскрипели половицы в сенях.

– Это я! – В двери показалось темнобровое, смуглое девичье лицо. – Я, Маша. Можно к Насте?

– Да спит она небось, – процедила боярыня неприветливо.

– Нет, не спит! – радостно заблестела зубками незваная гостья. – В ее светелке горит огонек, я видела.

– Матушка! Кто там? – раздался сверху голос дочери, и Ульяна Федоровна Захарьина обреченно вздохнула, кивнув гостье:

– Иди уж, коли пришла.

Вот уж повадилась эта Маша-Магдалена, полячка крещеная. Вроде бы они с матерью из Ливонии бежали – защиты от притеснений немецких искать, да мать и умерла. Прижилась Магдалена по соседству с Захарьиными, у добрых людей, и постепенно улица привыкла к ней, девушки даже дружились с веселой полячкой, секретничали. Вот и сейчас, конечно, в светелке с Настей трещат про любви разные, про женихов...

– Во дворец когда собираетесь? – спросила Магдалена, едва переступив порог.

– Куда-а? В какой еще дворец? – отмахнулась Анастасия.

– Ты что? Неужто не ведаешь, что всех девок во дворец собирают, на смотрины? Государь надумал жениться! Я сама слышала, как на площади кричали: у кого дома дочери-девки, те бы их, часу не мешкая, везли на смотр. А кто дочь-девку у себя утаит и на смотр не повезет, тому полагается великая опала и казнь!

Анастасия всплеснула руками. Станут выбирать невесту государю! Царицу выбирать!

Внезапно вспомнилось... Настя была еще девочка; отец, Роман Юрьевич, только что умер, в доме после похорон толпился народ, то и дело мелькали фигуры монахов и монахинь. Измучившись от горя, Ульяна Федоровна с дочерью затворились в спальне, пали под иконы, моля Господа не оставить своим призрением сирот. Внезапно дверь распахнулась и на пороге возникла высокая мужская фигура в рубище.

– Поди, убогий, на кухню, там тебя накормят и напоят, – слабым от слез голосом проговорила вдова, ничуть не удивившись, ибо нищих нынче был полон двор. – И вот еще тебе на помин души новопреставленного раба Божия Романа. Сделай милость, возьми.

Она протянула медяк.

– Спасет Христос тебя, матушка, – густым, тяжелым басом провозгласил нищий. – Спасет и вознаградит за доброту твою. Придет час – дочка-красавица царицей станет!.. – Провозгласил и вышел вон.

Потом кто-то рассказал Ульяне Федоровне, что то был не простой нищий, а сам преподобный Геннадий, пророк-отшельник из костромских лесов.

И вот... Неужто он пришел, предсказанный им час?

Анастасия затрясла головой: о чем она только думает! Грешно этак заноситься мыслями.

Магдалена возилась около небольшого столика с точеными ножками, на котором стоял уборный ларец, – пыталась поднять тугую скобку замка. Она была любопытная, словно сорока!

– От кого заперлась накрепко? Что там у тебя? Грамотки любовные? Васькины небось? Анастасия вскинула на нее глаза.

Однажды ее двоюродный брат Василий Захарьин оказался настолько дерзок, что передал с Магдаленой малую писульку: ты, дескать, Настенька, краше заморской королевы, я за тебя хоть в огонь готов, а потому не выйдешь ли в сад – единого слова ради! – после того, как все огни в доме погаснут?

Анастасия была наслышана, что случается с девушками, которые вот так выходят на свидания к велеречивым мужчинам. Грех один!

– Грех, грех... – словно отзываясь на ее мысли, пробормотала Магдалена, открыв наконец ларец и заглянув в него. – Грех вам, москвитянки, такое непотребство с лицами своими творить! Страшно вообразить, какие личины ряженные соберутся на те царские смотрины!

Она с презрением оглядывала сурьмильницу, да румяльницу, да белильницу, да корбочки с волосиками для подклейки бровей и балсамами, то есть помадами, стекляницы с ароматными водками. И вдруг ахнула:

– О... о, какие серьги! Двойчатки, да с бубенчиками!

– Тетенька подарила, перед тем как к старшему сыну из Москвы отъехала. Сын ее – пронский воевода.

– Курбский? – мигом насторожилась Магдалена. – Так он твоя родня?!

– Ну да, мы с ним троюродные. И его матушка, и моя – Тучковы урожденные. А ты знаешь, что ли, князя Андрея Михайловича?

– Как же, видела. Красавец писанный! Галантен, как настоящий шляхтич, знает обхождение с дамами, по-польски говорит. Даже и по-латыни изъясняется!

– Да скажи на милость, откуда ж тебе все это ведомо?! – засмеялась Анастасия – и осеклась: кобели у ворот залились лаем. Дом наполнился вскрикиванием, гомоном, торопливыми окликами.

Магдалена прилипла к слюдяному окошечку:

– Возок у ворот. Еще один. Боярыня какая-то выходит... Монах за ней следом... Ого, какой долговязый. Еще бородатый старик, ничего интересного. Ой! А вот и молодой какой-то. Гости к вам?

– Настька! – раздался с лестницы голос брата Данилы – *такого* голоса Анастасия у брата отродясь не слышала. – Царевы бояре приехали на смотрины звать! Спускайся быстро! Велено, чтоб шла в чем есть.

Анастасия, переглянувшись с Магдаленой (та лишь руками всплескивала), на непослушных ногах двинулась к двери, на ходу подбирая волосы, выпавшие из-под простенькой головной ленты. Знала бы заранее – надела бы шитую жемчугом. И рубашка с сарафаном на ней обыкновенные, домашние, и душегрея отнюдь не соболья, не парчовая. Одетая не как боярышня, а как сенная девка, иного слова не подберешь.

«Вот и хорошо, – подумала испуганно. – Авось не поглянусь смотрельщикам!»

Сзади громко, взволнованно дышала Магдалена.

В нижней комнате зажгли все огни, какие только можно, – светло там было, светлее, чем днем. И душно! Анастасия почувствовала, что на носу со страху и от жары выступили бисеринки пота. Вспомнив, что девице должно дичиться, закрылась рукавом и украдкой отерла носик.

Наконец-то разошлась мгла волнения в глазах, и Анастасия смогла хоть что-то рассмотреть. Вон старший брат Данила Романович. Рядом боярин Дмитрий Иванович Курлятев-Оболенский, старинный приятель покойного отца; в красном углу властно уселась престарелая боярыня. Анастасия видела ее однажды, во время крестного хода в Кремле, – это Анна Глинская, родная бабка нынешнего великого князя, Ивана Васильевича, матушка бывшей правительницы Елены Васильевны Глинской.

Обочь стояли еще двое: красавец молодой, чернокудрый и черноглазый, про которого сказали, что это Алексей Адашев, ближний человек государя (Адашев лишь мельком взглянул на Анастасию, но с тех пор смотрел только ей за спину, где таилась Магдалена), – и еще высокий монах, закрывший лицо низко надвинутым куколем¹. Он все время молчал.

«Кто такой?» – испуганно подумала Анастасия и тотчас забыла о нем.

– Ну, здравствуй, красавица, здравствуй, милая доченька, – ласково начал боярин Дмитрий Иванович, но его перебила сухощавая, желтолицая Анна Глинская:

– Ну, никакой красоты мы пока еще не видели, так что не спеши товар хвалить, Дмитрий Иванович! И одета, как нищая...

Матушка и брат Анастасии враз громко, обиженно ахнули:

– Вы же сами сказали, сударыня Анна Михайловна, чтоб девка шла немедля, в чем есть, красоты не наводя. Время уж позднее, ко сну готовились...

– Ну, виноваты, не предупредомили хозяев! – резко повернулась к ним Анна Глинская. – Обеспокоили вас чрезмерно? Не ко двору слуги царские? Так мы ведь можем и восвоеси убраться! Как скажете!

– Да погоди, милая княгиня, – примирительно прогудел Курлятев-Оболенский. – Чего разошлась, словно буря-непогода? А ты, доченька, перестань дичиться, ручку-то опусти, позволь нам поглядеть на красоту несказанную.

Анастасия осмелилась выглянуть из-за пышных кисейных сборок рукава. Взгляды собравшихся так и прилипли к ее лицу.

Анастасии часто говорили, что она – красавица. Однако сейчас ей чудилось, будто и тонкие, легкие русые волосы, и ровные полукружья бровей, и малиновые свежие губы, и яркосиние большие глаза, заблестевшие от внезапно подступивших слез, и длинные золотистые ресницы ее – товар второсортный, бросовый, который и хаять вроде бы неловко, но и слова доброго жаль.

Ну чего они все молчат?! Отчего-то помнилось Насте, что внимательнее всего рассматривает ее неприметный черный монашек.

– Хороша девка! – наконец воскликнул Курлятев-Оболенский. – За себя бы взял с удовольствием, да куда при живой-то жене! Так я и скажу царю, ну а что добавят прочие – им самим решать.

Анна Глинская и бровью не повела, и словца не обронила. Чернокудрый улыбнулся, но взгляд его вновь воровато шмыгнул к Магдалене. Монашек еще раз ожег Анастасию глазами и, не прощаясь, двинулся к выходу. За ним потянулись остальные.

Анастасия со всех ног бросилась вверх по лестнице, в светелку. Затворилась, пала под образа:

– Матушка Пресвятая Богородица! Что это было? Что теперь будет?!

И немалое прошло время, прежде чем она сообразила, что в светелке одна: Магдалена не поднялась за ней.

В это самое время гости Захарьиных рассаживались по возкам.

Алексею Адашеву и монаху подвели коней. Черноризец, подобрав полы, взлетел в седло с лихостью, отнюдь не свойственной его чину, однако Адашев медлил, косился на приоткрытые захарьинские ворота, на высокое крыльцо, где еще топтались почтительные хозяева. В стороне зябла, обхватив себя за плечи, тоненькая девичья фигурка...

– Дальше к кому? – спросила Анна Глинская, забираясь в возок.

Ответил ей почему-то монах:

– Возвращаемся. Хватит с меня!

Курлятев-Оболенский воззрился изумленно. Анна Михайловна высунулась из возка:

¹ Головной монашеский убор в виде капюшона.

– Как так? Иванушка, дитя мое, что ты говоришь?

– Что слышали, – невозмутимо отозвался «монах», стряхивая с головы капюшон и нахлобучивая шапку, поданную стремянным. – Видали мы многих, но увидели ль лучшую, чем Захарьина дочь?

Дмитрий Иванович хлопнул в ладоши:

– Правда твоя, государь! Правда истинная!

– Помилосердствуй, – воскликнула Глинская. – А смотрины? Что же, отменять их? Как можно нарушать старые обычаи? Негоже, негоже! Девицы приехали со всей родней...

– Как приехали, так и уедут, – перебил «монах». – Пустое все это, нечего время зря терять. Невесту я себе выбрал, все вы ее только что видели. И это мое вам последнее царское слово!

Анна Михайловна фыркнула, но, хоть и не сказала ничего, ее внук отлично умел понимать невысказанное. Свесился с седла, сверкнул глазами:

– Шестнадцатого января венчаюсь на царство, третьего февраля – венчаюсь с Анастасией! Все меня слышали? А коли так – к чему воздуха сотрясать словесами?

Огрел коня витою плетью по крупу:

– Пошел, ретивый!

Следом за его конем потащился возок. Адашев отстал, но великий князь Иван Васильевич сего не заметил: перед ним сияли очи Анастасии.

* * *

Покойный Роман Юрьевич Захарьин-Кошкин, отец Анастасии, был гордец, каких мало. Он исчислял свой род от некоего Андрея Кобылы и называл его выходцем из Пруссии. Шуток на эту тему не принимал никаких. Однажды кто-то из знатоков старинного родословия обмолвился: не видано и не слыхано о пруссаках по имени Кобыла, скорее всего, тот самый предок был из Новгорода выходец, с прусского конца! За это Захарьин-Кошкин насмешника чуть с потрохами не съел и навеки с ним рассорился. И уж он-то, Роман Юрьевич, считал бы вполне заслуженным и само собой разумеющимся, что именно его дочь была избрана в жены русскому государю, который отныне звался не великим князем, а царем Всея Руси.

– Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели; а добродетель ваша есть правда и милость. Государь! Люби и чти супругу, а ты, христоролюбивая царица, повинуйся ему. Как святой крест – глава церкви, так муж – глава жены. Исполняя усердно все заповеди божественные, узрите благо и мир!..

После венчания Анастасию вывели в трапезную и сняли девичий убор: покрывало и венок. Она испуганно моргала: родственницы царя, убиравшие невесту, Анна Глинская и Ефросинья Старицкая, обе с поджатыми губами, смотрели недобро. Анастасия никак не могла понять: она им столь сильно не по нраву либо княгини никак не могут справиться с ненавистью друг к дружке. Во всяком случае, омоченными в меду гребнями они немилосердно рвали распущенные волосы невесты, подобно тому как нерадивые пряжи рвут драгоценную золотую нить. Анастасия едва сдерживала слезы, понимая, что стоит уронить лишь одну – и уже не остановишься, так и будешь голосить, словно крестьянская девка, которую силком отдают в другое село, за немилого, за постылого. И хотя от невесты люди вроде бы ничего другого не ждут, кроме как слез, непонятная гордыня не позволяла разрынуться на глазах двух недобрых свах. Поэтому Анастасия молча, с высокомерным даже выражением на лице, терпела, пока ей заплели две бабьи косы, уложили вокруг головы, потом надели новый убор и подвели к новобрачному.

Проходя мимо дружки, князя Андрея Михайловича Курбского, Настя вдруг ощутила такой жар ненависти, исходящий от него, что даже покачнулась. Да что она дурного сделала

Андрею Михайловичу? Конечно, он хотел заслать к ней сватов, но ведь не Анастасия выбрала в мужа другого – слыханное ли дело, чтоб девица сама мужа выбирала?! – а судьба.

Но, впрочем, не о Курбском надо было ей думать, а о том, что в летнем дворцовом покое, устланном коврами, затянутом камкою, на тридевяти снопах, ждет Анастасию брачное ложе. И вот она уже сидит на этом ложе, раздетая до рубашки... все дружки и гости вышли... Государь, супруг молодой, стоял напротив, тоже в одной рубахе, – пугающе высокий и худой, задумчиво пощипывая едва-едва закурчавившийся ус. Анастасия невольно потянула к подбородку одеяло, но он нахмурился – и руки ее упали.

Сел рядом на постель, провел рукой по лицу девушки, по дрожащим губам. Анастасия поспешно чмокнула его худые, унизанные перстнями пальцы – и тотчас застыдилась. Он слабо улыбнулся:

– Совсем позабыл спросить – люб ли я тебе?

Анастасия так и вытаращилась, не находя слов от изумления, и вдруг ощутила, как слезы подкатывают к глазам. Она боялась – до судорог боялась! – именно первых его слов. Боялась, что накричит или вдруг начнет хаять ее красоту. Мол, девка в уборе и без оного – это две разные девки! А то молча навалится, начнет шарить руками по телу. А он...

С трудом разомкнула пересохшие губы:

– Люб, государь... господин мой. Люб!

И сразу подумала: надо было назвать его по имени, хотя бы по имени-отчеству, но... язык не поворачивался.

Он вздохнул – с явным облегчением. Опять погладил по щеке, скользнул щекочуще по шее – и потянул с плеч скользкую шелковую сорочку. Руки Анастасии снова против воли вцепились в одеяло.

– Боишься меня?

– Боюсь.

– А сладко ли тебе меня бояться?

Она заморгала, думая, что ослышалась, но на всякий случай выдохнула:

– Да...

Его глаза блеснули:

– Сейчас еще слаще будет!

Он рывком перевернул Анастасию на живот и задрал рубаху до самой головы. От неожиданности девушка даже не сопротивилась, но вдруг спину ее ожгло болью. Взвизгнула – и умолкла, словно подавившись. Да он бьет ее! Бьет плетью, которую только что, глумливо ухмыляясь, вручил ему второй дружка, Адашев! За что же так-то?!

– Кричи еще! – хрипло приказал муж. – А ну, громче кричи!

Анастасия уткнулась в подушку, глуша стоны, которые так и рвались из груди. Там, за дверью, ходит ясельничий с обнаженным мечом, для предохранения от всякого лиходейства. Там же дружки, и среди них князь Курбский. Да ей лучше умереть от боли, чем позволить, чтобы чужой человек услышал ее крики!

– Кричи! Кому говорю?!

Анастасия повозила головой по подушке: нет, мол, не стану, хоть ты меня до смерти забей!

Муж опять перевернул ее, теперь уж на спину, грубо растолкал ноги. Анастасия зажмурилась, закусил ладонь – и как раз вовремя, не то уж точно завопила бы от боли, которая пронзила нутро. Царица Небесная, да есть ли на свете что-то хуже?!

– Кричи! – хрипло потребовал муж, с силой защемляя пальцами нежную, тонкую кожу на груди.

Анастасия выгнулась дугой, но смолчала, только широко открыла слепые от боли и страха глаза.

Тяжелое мужское тело металось на ней и дергалось, словно царя била падучая. Его горячая щека была притиснута к похолодевшей от слез щеке Анастасии.

«Да у него жар! – подумала вдруг. – Говорили же: порченный царь у нас! А ну как помрет сейчас – что тогда со мной станется?!»

Судороги вдруг прекратились, муж глубоко, со всхлипом вздохнул – и затих.

«Помер! В монастырь меня сошлют? Или сразу на плаху? Да нет, лучше я сама удавлюсь от позора!»

Анастасия перестала дышать, пытаясь уловить дыхание лежащего на ней человека, но кровь так стучала в висках, что она ничего не слышала.

– А ведь тебе не сладко... – пробормотал государь, приподнимаясь и задумчиво разглядывая ее нагие окровавленные чресла. – Почему?

– Бо-ольно, – всхлинула Анастасия, пытаясь унять рыдания, сотрясавшие тело.

– Это и сладко, что больно! – упрямо сказал муж. – Разве нет?

Анастасия опять повозила головой по подушке: нет, мол, нет!

– Как это? – Иван недоумевающе свел брови. – Почему это? Тут ко мне бабу одну приводили на днях... ну, я тебе скажу, такая блудливая стервь, что на стенку с мужиком готова лезть. А ну, говорит, вдарь мне, да покрепче! Побил для начала, коли просит, а как начал с ней еться, она опять: ожги меня кнутом! Уже на ней живого места не осталось, вся шкура полосатая сделалась, а она аж мычит: ох, мамыньки, сласть какая! Я раньше никогда баб не бил, а тут подумал: дурак, так вот же в чем для них сласть! Ну и тебя... Я ж хотел как лучше для тебя! А ты плачешь...

Анастасия охнула, схватилась за сердце – и зарыдала пуще прежнего.

– Да ты что? – В голосе мужа послышался испуг. – Ладно, больше пальцем не трону, пока не попросишь!

Анастасия все плакала.

Иван осторожно повел ладонью по ее голове, поиграл кончиком косы:

– У тебя даже волосы промокли. Гляди, все покои затопишь. Ну, об чем ты так убиваешься? Сказал же: не трону!

– Значит, – выдохнула она, давясь слезами, – значит, я у тебя не первая?

От изумления молодой царь даже не решился засмеяться – только слабо улыбнулся, глядя в обиженное лицо жены:

– Первая?! Да ты что, не знаешь, как мужи живут? Грехи наши, конечно... Это вам, девам, затворничество от веку предписано, а муж, он... Хотя я знаю, что дева деве рознь! Помнишь, у тебя в дому, когда царские смотрельщики приходили, была такая – чернобровая, верткая, все глазами играла да перед Адашевым подолом крутила?

– Магдалена? То есть Маша? – Анастасия позабыла о боли. – Я ее с тех пор и не видела, и не вспоминала. До нее ли было, тут вся жизнь так завертелась! А что с ней?

– Да ведь Алешка Адашев ее к себе забрал, ту девку, – усмехнулся Иван. – Поглянулась она ему – просто спасу нет! Отдал откупное приемным родителям – и увез на коне. Грех, конечно, а все ж поселил в Коломенском – он там дом себе выстроил. Выдаст ее замуж за какого-нибудь дворянишку приближенного... Сам Алешка женится, конечно, на той, которую отец ему высватал, а для сласти будет в Коломенское наведываться.

– Погоди-ка, – Анастасия повернулась на бок, легла поудобнее, забыв даже рубашку одернуть. – Не пойму, откуда ж ты знаешь, как у нас в доме все было? Что Магдалена с Адашева очей не сводила? Это он тебе рассказал?

– Или я слепой? – усмехнулся Иван.

Анастасия так и ахнула:

– Ты там был?!

– Ну да, был – в монашеском облачении, – Иван явно наслаждался ее растерянностью. – Кота в мешке покупать не хотел, мне самому надо было на всякую-каждую посмотреть. Тогда и выбрал тебя!

Анастасия глядела широко раскрытыми глазами, словно впервые увидев человека, которому ее отдали в жены. Он, муж ее, хорошо улыбается, глаза у него ясные, серо-зеленые. Взмокшие от пота волосы курчавятся на лбу. Анастасия вспомнила, какая жаркая была у него щека, прижатая к ее щеке, как билось-дрожало его тело, прижатое к ее телу, – и вдруг засмузилась, опустила глаза. Прислушалась к себе, лоя прежнюю боль, цепляясь за прежнюю обиду, – но не нашла ничего, кроме нетерпеливого трепета.

– Милая, – он осторожно взял ее за руку, прижал к своей щеке. – Ах ты, милая!

Анастасия вздрогнула, приоткрыла губы. Но не испугалась – словно бы ждала чего-то.

– Царица моя, приласкай меня, приголубь.

– Как? – сама себя не слыша, прошептала она. – Я ж не умею.

– Сердце научит...

* * *

После свадьбы, побывав, по обычаю, вместе в мыленке, молодые царь и царица прервали пиры двора и пешком отправились в Троице-Сергиев монастырь, где оставались до первой недели Великого поста, ежедневно молясь над гробом святого Сергия. А когда вернулись, Анастасия постепенно начала осваиваться с новой жизнью.

В Кремле пряничные разноцветные крыши, сахарные, точеные столбики на крылечках, крошечные слюдяные, леденцовые оконца, узенькие переходики, крутые лесенки, более похожие на печные лазы. И пахнет здесь печами и пылью.

Поговаривали, будто царский дворец в Коломенском куда уютнее и просторнее. Анастасия очень мечтала оказаться в Коломенском – ведь где-то там и Магдалена! До смерти хотелось увидеться с ней, поболтать, как раньше. Ведь во все время своей замужней жизни Анастасия не видела ни одной прежней подружки. Среди царицына домашнего чина – ближних боярынь и боярышень – Анастасия пока не сыскала наперсницы и начала всерьез задумываться, как бы поменять всех этих важных, надутых, неприятных особ на привычные и дружеские лица. Но с просьбой надо было сперва обратиться к мужу, а просьба к нему и так накопилось множество. Дядюшка, брат, матушка просто-таки осаждали ее настойчивыми требованиями мест при дворе, угодий и кормлений для Захарьиных.

Анастасии же хотелось от матери совсем другого – совета. Ведь она еще так мало знала о женской жизни, а пуще всего – как обращаться с этим загадочным человеком, ее супругом...

Однажды – они только вернулись из Троице-Сергиева монастыря, и высокое, благостное настроение все еще владело Анастасией – рано утром царь позвал в опочивальню одного из ближних бояр.

Анастасия вскинулась, пытаясь выскочить из постели и скрыться, но Иван, хохоча, поймал ее за косу и заставил снова лечь. Она едва успела прикрыться, как в дверь просунул голову смущенный боярин. Пряча правую руку под меховой оторочкою парчовой ферязи, он украдкой осеял себя крестом. Виданное ли дело – в чужую опочивальню сунуться, даже и боярскую, а царскую – тем паче! Он бы и не сунулся, да уже научен был горьким опытом, вошедшим в пословицу: не спорь с царями...

Пал ниц, прижал лоб к полу, изображая безмерную почтительность, а на самом деле просто не решаясь поднять голову.

– На охоту поеду! – сказал молодой царь. – Надоело пришитым к бабьему подолу сидеть – кровь потешить хочу. Скажи там, чтобы седлали. Да псари не мешкали бы!

Боярин проворно юркнул за дверь.

Анастасия наконец осмелилась высунуть нос из-под одеяла:

– Ушел?..

– Ушел, ушел! – хохотнул Иван. – Вставай, теперь некого бояться.

– Ой, негоже, государь Иванушка, – пробормотала Анастасия, подбираясь к краю широ-
ченной кровати, – негоже, чтобы мужчина – да к царице в ложницу...

– Что? – резко обернувшись, Иван свел к переносице свои густые брови. – К ца-ри-це? Да
какая ты царица?! Кем была, тем и осталась. Одно мое слово – и в монастырь тебя свезут, забу-
дут люди, что была на свете такая Настька Захарьина. Слыхала небось, как мой батюшка Васи-
лий Иванович заточил в обители порожнюю женку Соломонию, а сам на матушке женился?
Гляди, станешь мне перечить...

Он не договорил и сердито сморщился: жена плакала. Тьфу ты, ну что за глупая баба!

Он бы страшно удивился, узнав, что «Настька Захарьина» надолго затаила обиду...

Впрочем, иногда Иван поражал жену добротой и сердечностью. Сутками не покидал
царицыных покоев, лаская и голубя свою «агницу» или пытаясь научить ее играть в свои люби-
мые шахматы, в коих фигурки были выточены из слоновой кости и имели вид казанского воин-
ства (Анастасия многозначительного движения фигурок отчего-то ужасно боялась, а значит, в
ходах путалась и норовила сдать на первых же минутах игры, чем несказанно сердила мужа).
А если даже и срывался на охоту, возвращаясь лишь в полночь – за полночь, то непременно
заглядывал в опочивальню жены: не плачет ли? не тошнитесь?

Тошнилась Анастасия частенько – ведь зачреватела если не с первой, то со второй ночи,
и выпадало время, когда свет белый делался ей не мил. Иван хоть и морщился страдальчески,
глядя в ее зеленовато-бледное, потное после приступов рвоты лицо, но был безмерно рад, что
вскоре сделается отцом, потому к слабости жены относился терпеливо и приказывал прихотям
царицыным всячески потворствовать.

Так миновала весна, а в апреле начала гореть Москва. Кто настаивал, что царь должен
немедля покинуть Кремль, кто надеялся на скорое прекращение пожара. Ради этого ходили
кругом огня с иконами, неустанно служили молебны.

Однако когда высоченная пороховая башня взлетела от огня на воздух и, разрушив город-
скую стену, упала в реку, запрудив ее своими обломками, царь понял, что не от всякого грома
открестись, и хмуро велел собирать пожитки и перебираться на Воробьевы горы, в тамош-
ний летний дворец.

Царицу насилу довели (бабки уже начали бояться – скинет дорогой!). Она плакала от
страха: плохо брюхатой на огонь смотреть, как бы не родилось чадо с родимым пятном на лице!

Иван метался между горящей Москвой и дворцом жены, а она сидела и ждала: молилась
с утра до вечера либо мусолила страницы любимой книжки про Петра и Февронию: «...Когда
же пришло время князю Петру и княгине Февронии благочестиво преставиться, умолили они
Бога, чтобы в один и тот же час призвал их к себе. И порешили, что будут похоронены оба в
одной могиле. Повелели вырубить им в едином камне два гроба, чтобы одну только преграду
иметь между собою...»

Начитавшись про великую любовь до сладких, умиленных слез, Анастасия шила жемчу-
гом – положила себе непременно закончить до родин покров Грузинской Божьей Матери.

А Москва все горела, горела... Иван днями стоял на горе близ дворца, смотрел на буйство
пожара, против которого он был бессилен. Анастасия цеплялась за трясущуюся руку мужа,
боясь посмотреть в его потное, почерневшее лицо, на котором слезы прочертили среди копоти
две светлые дорожки. И она осознала, что, несмотря на все обиды, жалеет своего супруга так,
как никогда никого не жалела. А где безмерная жалость, там и бесконечная любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.